

Одним из острых моментов, который явился, по сути дела, проверкой гласности, стала Чернобыльская авария и отношение к ней. Чернобыль, в общем-то, открыл глаза на многое — на то, что происходило в нашей науке, как обстояло дело с безопасностью в атомных делах, компетентностью работников АЭС.

Чернобыль вскрыл серьезные проблемы в важнейшей отрасли нашей экономики, каким являлось среднее машиностроение, которое выполняло большие, в том числе оборонные, заказы, включая ядерное оружие. У работников и руководителей этой отрасли были большие заслуги перед страной. Но это обернулось снижением самокритичности, чувства ответственности.

Заслушавая в первый день информацию о случившемся на Чернобыльской АЭС, Политбюро столкнулось с удиви-

тельно легким отношением к происшедшему со стороны ответственных лиц.

Члены Политбюро были удивлены, услышав от президента АН СССР А.П. Александрова и министра среднего машиностроения Е.П. Славского такие суждения: “Ничего страшного, такое происходило и на промышленных реакторах, но обходилось. А чтобы избежать облучения, надо хорошо выпить, закусить и поспать...”. Эта в высшей степени неуместная ссылка на “свой личный опыт” недостойна ученых и руководителей такого уровня.

Мы еще не знали, что же произошло на самом деле: взрыв и выброс радиоактивного вещества или же авария, пожар. Вообще ситуация была такова, что первые два дня мы ничего не могли сказать публично. Но действовали, понимая, что на Чернобыльской станции произошло нечто весьма опасное.

Была сформирована правительственная комиссия, в которую вошли и специалисты по атомным электростанциям, и радиологи, и медики, и представители организаций, осуществлявших контроль над окружающей средой. Были созданы комиссии Академии наук СССР и Украинской академии.

Но даже 27 апреля информация от комиссии сопровождалась всяческими оговорками, была сугубо предварительной и не содержала выводов. В те дни в район бедствия отправились Рыжков, Лигачев и Щербицкий. Начал все больше вырисовываться масштаб беды. Стало ясно, что в первую очередь надо обеспечить безопасность людей.

Медицинскую помощь получили почти миллион человек, в том числе более 200 тысяч детей. Было решено отселить людей из города Припять. А как только составили первоначаль-

ную карту радиационного загрязнения, и ученые сделали вывод о невозможности проживания там людей, началась эвакуация, сначала из 10-, затем из 30-километровой зоны. Люди не хотели выезжать, пришлось предпринимать меры, вплоть до принудительных. Уже в первых числах мая было переселено примерно 135 тысяч человек.

Одной из сложнейших проблем стал сам разрушенный блок реактора.

Надо было не допустить попадания радиоактивных веществ через грунт в Днепр. Были переброшены войска химической защиты, сосредоточена необходимая техника, развернуты работы по дезактивации. На первых порах наибольшее беспокойство вызывала судьба Киева и Днепра. А оказалось: самый тяжелый удар пришелся на Белоруссию, особенно на Могилев.

Десятки необычных проблем приходилось круглосуточно решать научным институтам в Москве, Ленинграде, Киеве, других городах. Многие предлагали свою помощь, просили направить их в район Чернобыля. В те тревожные дни снова проявились, как и в другие тяжелые моменты нашей истории, лучшие качества людей: самоотверженность, человечность, отзывчивость, готовность помочь в беде.

Ликвидация непосредственных последствий взрыва обошлась в 14 миллиардов рублей, а потом было еще израсходовано несколько миллиардов. У экспертов МАГАТЭ не было претензий, они признали: делается все, что возможно и необходимо.

И все же... Говоря откровенно, в первые дни не было ясного понимания, что произошла катастрофа не только национального, но и мирового масштаба. Отсутствие полной ясности породило слухи, панические настроения. И тогда, и сейчас еще

продолжают критиковать действия руководства Украины, Белоруссии, Центра. Исходя из того, что мне известно, я не стал бы подозревать кого-то в безответственном отношении к судьбам людей. Если что и не было сделано своевременно, то прежде всего из-за незнания и неумения. Не только политики, но и ученые, специалисты не были готовы к адекватному восприятию случившегося.

В середине мая я выступил по телевидению: выразил сочувствие пострадавшим, рассказал о принятых и принимаемых мерах и воздал должное мужеству людей, участвовавших в ликвидации последствий аварии. Из многих стран государственные и общественные организации, фирмы и частные лица присылали средства тушения пожара, робототехнику, лекарственные препараты. Это была беспрецедентная кампания солидарности. Героями Чернобыльской аварии, наряду с советскими людьми, стали американские медики Роберт Гейл и К. Терасаки, президент МАГАТЭ Х. Бликс.

Лично для меня Чернобыльская авария — один из критических моментов в перестроечное время, но не только в этот период, а и в жизни. Многое пришлось пережить, передумать и сделать выводы на будущее. Можно сказать так: моя жизнь разделилась на две части — до Чернобыльской аварии и после нее.